

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	7
Часть первая	
1. Опасная черепица, крот в одежде и побег от вынужденного козловства	25
2. Библиотечные книги, Средиземье за один день и новости о Бобе Монкхаусе	45
3. Неприличные журналы, недоеденный заварной крем и сатанинская школьная форма	60
4. Отсутствующие вафли, курильщики трубок и эпидемия пририсованных сосков	85
5. Необычные овощи, трусики судьи и адский скутер	101
6. Креветочные коктейли, ядовитые малолитражки идохлаямышь в леденцах	120
7. Летающие чайники, заиндевшие бороды и торт с кристаллами сахара среди ковров	141
8. Средиземноморские рептилии, цыплята в бочках и всё, кроме солнечной печи	158
9. Внезапные викинги, голоса растений и каждый сам себе Тревор	178
10. Жуткие столкновения, правильное слово для «желтого» и стремление к 400	199
11. Лимонные реакторы, ловля издателей нахлыстом и Матушка Гусыня в исполнении Ла Ру	215
Часть вторая	
12. Шляпа лорда Нельсона, вопиющая обезьяна и тайна шерри	231
13. Карри с изюмом, мармелад и гофрированное железо	258

14. Резиновые перчатки, телеснобы и «Оливетти» на вокзале Ватерлоо	285
15. Удачно подвернувшиеся программы, горизонтальное богатство и гитарист с чили	311
16. Гонки, хиты и полистироловые зубы	328
17. Одна поднятая бровь, шляпа из кактуса и велосипедные клипсы в огне	357
18. Галстучные узлы, мелькающие тени и террорист в ритм-секции	375
19. Кофе с пенкой, открытые окна и шляпа с черными перьями	393
20. Коварный диван, дублинские креветки навынос и горький, горький конец	421
Эпилог	440

ВВЕДЕНИЕ

За пять месяцев до смерти Терри Пратчетт написал пять писем, запечатал в конверты и запер в сейфе в своем кабинете, чтобы их открыли после его смерти. Это письмо он адресовал мне:

Уилтшир
4 октября 2014 года

Дорогой Роб!

Итак. Я умер. Уже бывали дни, когда я думал, что умер, поэтому теперь мечтаю только о прохладной тихой комнате и покое, чтобы собрать разбежавшиеся мысли. Думаю, я был хорош, хотя мог быть лучше, но Терри Пратчетт мертв — и довольно об этом.

Пожалуйста, позаботься о Лин. Закажи ей украшения по моим эскизам и подари вместе с моей любовью. Покупай ей подарки на каждое Рождество и день рождения. Присылай цветы. Устраивайте большой ужин каждый год — чаще, если понадобится или будет повод, — и поднимайте рюмочку бренди за меня и за счастливые времена.

Присмотри за делами — и они присмотрят за тобой. За всё, что ты сделал, за всё малое, за всё очень-очень большое и за все закопанные тела... благодарю тебя.

Научись летать. Не откладывай.

И береги себя.

Держай!

Терри

Сразу проясню: за все годы работы с Терри Пратчеттом мне не пришлось закапывать ни одного тела. Иногда Терри срывался на людей и уж точно не терпел дураков (как людям часто приходилось признавать). Но все-таки не *настолько*. Так что, фанаты эксгумаций и расследований глухарей, — моя книга не об этом.

Но все-таки не поспорить, что в жизни Терри хватало того, что я в своем уникальном положении видел и в чем участвовал — «всё малое и всё очень-очень большое», цитируя его письмо, — и по задумке книга как раз *об этом*.

И проясню еще кое-что: на этих страницах я стараюсь охватить всю историю жизни Терри, а не только ту часть, где я присутствовал лично. И точно не собираюсь рассказывать историю *своей* жизни. Но, наверное, для начала все-таки придется объяснить, кто я, как познакомился с Терри и почему вообще написал его биографию.

Итак, предыстория: меня зовут Роб Уилкинс, и я должен был быть старушкой из деревни. По крайней мере, кого-то в этом роде представлял себе Терри, когда решил, что ему пришло время обзавестись личным помощником.

Она была бы из тех, кто ответит на объявление в витрине деревенского магазина, — скорее всего, дама на пенсии, которая сможет приезжать несколько раз в неделю, чтобы помогать с ведением дел, документооборотом и заполнением налоговой декларации, а если повезет, то заодно проследит, чтобы в офисном холодильнике всегда хватало молока для чая и вечно забывающему об этой мелочи Терри не приходилось вставать из-за стола и идти за ним в дом.

Она не была бы (и это важно) читательницей Терри Пратчетта, чтобы не подкидывать вопросов или того хуже — предложений. Или *еще* хуже — мнений. Ему бы не хотелось показаться неблагодарным, но это может отвлекать, а помощника берут для полностью противоположного.

Почему Терри вообще задумался о личном помощнике... Ну, пожалуй, можно смело предположить, что в первую очередь в этом виновата Джилли Купер. Эти два

звездных британских писателя, Джилли и Терри, встретились как-то раз за канопе на издательском мероприятии в Лондоне, как это порой случается со звездными писателями. И во время беседы Терри навострил уши, когда Джилли походя упомянула «свою помощницу» — кажется, некую Аманду, которую Джилли с любовью назвала «ангельской» и «невероятно доброй» и без сомнений провозгласила «лучшей в своем деле».

А у Терри — человека, по большей части к мирскому безразличного, — все-таки, как и у большинства писателей, имелась незаметная, но железная соревновательная жилка, натянутая, как струна пианино; и порой ее нет-нет да задевали. Похоже, это как раз был один из таких случаев. Раз уж автору таких бестселлеров, как *Riders, Rivals* и *Score!* официально нужна помощь, то чем хуже Терри, на тот момент продавший около 50 миллионов книг на 29 языках?¹

Так или иначе, восхваления Аманды срезонировали с Терри — и продолжали резонировать, когда тем вечером он поехал домой в Уилтшир безо всякой личной помощи.

Шел 2000 год. Терри было 52. Он жил, как он это называл, в «особнячке Судного дня» под Солсбери. Уже десять лет он считался самым продающимся писателем в Британии — и только недавно нехотя уступил это звание некой Джоан Роулинг. Цикл «Плоский мир» уже насчитывал двадцать пять романов, на всех парах мчал к сорока одному, и еще Терри написал ряд книг вне его, в том числе потрясающе успешные вещи для читателей младшего возраста. Этот выдающийся писатель, как будто ни разу не испытывший и двухминутного творческого кризиса (и довольно презрительно относившийся к самой его идее и к тем, кто на него жаловался), выпускал по две книги в год, а иногда находил время втиснуть и третью. Популярность его творчества была неизмерима, а вездесущность — легендарна: частенько говорили, что в Британии ни одному поезду не давали отойти от платформы, пока не убеждались, что хотя бы один пассажир читает Терри Пратчетта².

Столь головокружительный успех неизбежно требовал от него времени на дела помимо написания новых романов. В первую очередь из-за того, что, как саркастически говорил Терри, он стал «антивтором». Антивторы, объяснял Терри, очень отличаются от авторов. Антивторство — это, по сути, все те обязанности, которые не дают писателю писать: в случае Терри — два длинных и феноменально успешных книжных тура в год в Британии и еще несколько — за границей, для чего он всегда облачался в черную федору, черную кожаную куртку «Левайс» и черные джинсы «Хуго Босс» («поехал турить с альбомом», называл это он), а также выступления при аншлагах — в том же костюме — на лекциях, конвентах и фестивалях, — и это пожирало все больше его времени и сил.

Но бремя антивторства не оставляло Терри и дома. Здесь оно обретало вид писем — целых мешков писем. Читатели книг Терри отличались не только многочисленностью, но и силой привязанности к его творчеству, и многих из них тянуло ему написать. Вдобавок были и более формальные просьбы — совета, денег или, в случае самых дерзких корреспондентов, и совета, и денег. Дошло до того, что само чтение почты и ответы в том объеме, в котором Терри чувствовал себя обязанным отвечать, превратились в отдельную работу, не оставив в рабочем дне часов на что бы то ни было еще — например, на собственно написание книги. Или, в случае Терри, сразу нескольких. Он любил работать одновременно над двумя, а то и тремя, и частенько где-то на заднем плане уже обретала форму четвертая.

Затем без конца трезвонящий телефон — звонили в связи с книгами, гастролями, фестивалями, интервью или комментариями, просили написать для газетных приложений тексты в жанре, который Терри называл «Моя любимая ложка». А он, сам бывший журналист — сперва работавший в газетах, а потом по другую сторону колючей проволоки, пресс-секретарем, — был физически не способен не взять трубку. Ведь пропустишь звонок — пропустишь сюжет. (Как мы еще увидим, опыт, получен-

ный Терри в газетах, во многом сформировал его подход к творчеству.)

А вдобавок ко всему этому — еще и мерчендайзинг. Он уже стал значительным бизнесом, но Терри настаивал на праве последнего слова относительно любого продукта по Плоскому миру, от фигурок до свечей, от полотенец до дверных табличек, от открыток до кулонов. Терри смотрел на это так: все эти вещи — продолжение мира, который он создал в книгах, и ему не хотелось, чтобы кто-то что-то перевирал или искажал этот мир недопустимыми вольностями, тем самым разочаровывая или, того хуже, обманывая читателей. Благородная точка зрения, особенно если знать, какими деньгами — «умопомрачительно большими суммами», по выражению Терри, — потрясали различные компании, чтобы убедить его разжать железную хватку на франшизе. Но те же высокие принципы неизбежно требовали серьезного внимания к делам. Как сказал Терри в интервью 1996 года для Science Fiction Book Club: «Если у вашего Микки-Мауса отвалятся уши, доброго мистера Диснея никто не потревожит. Если кто-то купит футболку Плоского мира и она полиняет после стирки, то письма посыплются на меня»³.

И вот мало-помалу Терри достиг той переломной точки, где дела Терри Пратчетта грозили помешать тому, что, собственно, и сделало его Терри Пратчеттом. А то, что начиналось буквально с домашнего производства — в боковой комнате маленького дома Терри и Лин в Сомерсете, где он устроил кабинет и ежевечерне после работы решительно набивал по 400 слов на компьютере Amstrad CPC 464, — разрослось в многомиллионный международный бизнес, о чем его основатель не смел и мечтать. Причем многомиллионный международный бизнес, где по-прежнему царил слегка сумбурный дух домашнего производства.

Например, у Терри в те дни была привычка записывать файлы на дискеты, а в конце рабочего дня, перед тем как вернуться домой на ужин, извлекать их из компьютера и класть в карман рубашки для сохранности. Но, как

оно и бывает, рубашка затем могла оказаться в бельевой корзине. А из бельевой корзины вполне естественным образом попасть в стиральную машину. Соответственно, не было чем-то неслыханным, чтобы незаконченный роман на миллион фунтов рискованно проходил полный цикл стирки и отжима при 60 градусах.

А однажды по почте пришел чек на роялти чуть меньше четверти миллиона фунтов, куда-то задевался и растворился без следа раньше, чем его успели обналечить. Но до этой истории мы еще дойдем в свое время.

Пока достаточно будет сказать, что Терри знал, что ему нужно. Старушка из деревни.

А достался ему я. Я не был из деревни (я тогда жил в Челтнеме, милях в семидесяти от Солсбери) и не определял себя как женщину. Я даже ни разу не заполнял налоговую декларацию — не приходилось на прошлых работах. И к тому же не был на пенсии — мне было 29. А главное, вдобавок ко всем прочим нарушениям ключевых критериев — и это уж точно должно было его насторожить, — я совершенно точно был читателем Терри Пратчетта. Вообще-то, даже обожателем — из тех, чье постоянное присутствие в очередях за автографами Пратчетта с 1993 года (магазин WHSmith, Оксфорд, «Джонни и мертвецы») стало настолько заметным, что у него на полке все еще стоит роман «Патриот» 1997 года, подписанный «одному из несчастных».

Также я уже работал, можно сказать, на внешних внутренних краях пратчеттовского бизнеса. Я познакомился с Колином Смайтом — агентом Терри и тем самым человеком, которому он в 1968 году впервые вручил рукопись в надежде на реакцию. (Реакцией Колина стала публикация, о чем он с тех пор ни разу не пожалел.) Из-за моего технического бэкграунда Колин пригласил меня в 1998 году на должность технического директора в Colin Smythe Publishing, где моей главной работой стала оцифровка до сих пор категорически аналогового бизнеса, который Колин вел из своего дома в Джеррардс-Кроссе.

На этой должности мне иногда приходилось отвечать на звонки самого успешного клиента Колина. А когда Терри приобрел свой первый дисковод и не смог его запустить, старшего — и, собственно, единственного — технаря организации отправили в командировку.

Я припарковался, спустился по склону к особняку и нашел на кухонной двери записку: «Роб — в Часовню». Я последовал по любезно приложенной нарисованной карте, тихо постучался и так оказался впервые допущен в святая святых, эпицентр Плоского мира в нашем Круглом: специально обустроенный для писательства кабинет — с большим окном с каменным переплетом, с большой дровяной печью, длинной стеной книжных шкафов и мощным ароматом воскового лака, — где за широким столом с кожаной столешницей, почти невидимый за горой книг, журналов, листочков и в целом *всякого*, восседал автор.

Я был на двадцать лет моложе Терри. А еще из-за любви к романам о Плоском мире испытывал перед ним трепет — что, как я заметил, ему даже нравилось. Но у нас все-таки оказалось много общего. Мы оба в подростковые времена познали радость катания на скутерах; нам обоим повезло иметь отцов, с готовностью учивших нас по вечерам и выходным эти скутеры чинить. Мы оба увлекались любительской электроникой — читали одни и те же журналы, покупали одни и те же детали у одних и тех же почтовых поставщиков, корпели над одними и теми же самоделками.

— А, — сказал Терри. — Так, значит, ты знаешь и уникальную боль от раскаленного припоя, капающего на нейлоновые носки.

Я знал.

Более того, мы оба были из тех людей, которые, получив новое электронное устройство, первым делом выбирают инструкцию, срывают боковую панель, глядявятся во внутренности машины и думают, какие бы внести модификации, которых, скорее всего, не хотел бы производитель. В восьмидесятых мы оба научили свои первые компьютеры Sinclair ZX81 говорить — правда, Терри нау-

чил свой желать доброго утра и сообщать самую низкую и высокую температуру в теплице, а я научил свой ругаться на потеху моим друзьям. Но, что ни говори, связь есть связь. На Терри явно произвело впечатление то, что я знаю, что такое интегральная микросхема SPO256 от «Дженерал Инструмент»⁴. И не меньше — то, как легко и быстро я разобрался с его новым дисководом. Теперь я удостоился прозвища Капитан Конденсатор — первого из целой череды тех, которыми Терри меня еще наградит. Последовали новые технические командировки в Уилтшир. В декабре 2000 года, узнав, что я собираюсь уходить из Colin Smythe Publishing, Терри позвонил и спросил, не хочу ли я пойти к нему в личные помощники.

Я подумал, что это может быть интересно в качестве временной работы, тем более учитывая мою любовь к его книгам. Но долгосрочную карьеру я представлял себе совершенно иначе. Решил, задержусь там на годик, чтобы было о чем рассказать внукам. «Знаете такого Терри Пратчетта? Так вот...»

Я все еще работал на него полтора десятилетия спустя, в 2015 году, когда он скончался, и все еще работаю на него сейчас.

Я и не представлял, насколько будет интересно. К примеру, не воображал, что в какой-либо мере стану свидетелем творческого процесса Терри. Думал, работа над книгами будет проходить в тишине и уединении за закрытыми дверями, пока я сижу где-нибудь в другом месте и занимаюсь всем остальным — почтой, налогами, молоком. И да, всем этим я занимался. Но этим планы Терри на меня не ограничивались, что стало ясно, когда однажды, после утреннего писательства, он встал из-за стола и надел куртку.

— Мне надо ненадолго выскочить, — сказал он. — Подчисть тут пока, ладно?

Первый черновик Терри Пратчетта — как я обнаружил, нервно опускаясь на его кресло, — был документом весьма и весьма эксцентричным, со случайным образом меняющимся размером шрифта и даже случайным обра-

зом меняющимся *цветом*. Но только представьте себе восторг от этого задания для того, кто нетерпеливо барабанил пальцами по столу между публикациями в ожидании новых слов от Терри Пратчетта. Я проглатывал его книжки, и оказаться теперь в комнате — даже за клавиатурой, — где эти книжки обретали форму, причем не просто выравнивать в них шрифт, но и со временем читать их вслух автору, чтобы он оценил их свежим взглядом, а в конце концов и записывать под диктовку напрямую из его мозга (Терри эта тактика пришлась по душе еще до последних лет, когда он уже не мог работать за клавиатурой)... что ж, это редкая честь.

А Терри, думаю, очень быстро свыкся с тем, что теперь он человек с «личным штатом», хоть сам бы он никогда этого не признал. Однажды он говорил по телефону с газетой — в тот раз им нужна была не статья «Моя любимая ложка», но близкий родственник этого жанра, блицопрос. И вдруг он опустил трубку и окликнул меня:

— Роб, какое мое самое большое излишество?

Не успел я задуматься и на секунду, как Терри ответил сам:

— Не отвлекайся. Это ты.

В мои первые робкие недели на работе довольно часто поминались Джилли Купер и ее «лучшая в своем деле» помощница. Не раз звучали угрозы (уверен, что риторические, — или все-таки нет?) сослать меня на недельку в Глостершир, на практику под началом Джилли и Аманды. Еще меня то и дело увольняли, хотя я быстро усвоил, что Терри как писателю присущ экспериментаторский интерес произнести что-нибудь вслух, только чтобы понять, как оно звучит, и если самому применить тот же экспериментаторский подход и просто рискнуть прийти на рабочее место на следующий день, то, скорее всего, окажется, что ты вовсе и не уволен.

В своем предисловии к «Опечаткам» (A Slip of the Keyboard)⁵ Нил Гейман, возможно, навсегда изменил пратчеттологию, возмущившись из-за того, что публика воспринимала Терри как «старого веселого эльфа» — наверное,